

ДАРЬЯ
МИШЕ

КАК ЖИТЬ
Е
ФРАНЦУЗОМ

Дарья Мийе

Как жить с французом?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34331776

ISBN 9785449095589

Аннотация

Дарья всё про себя знает. Знает, чего хочет и как этого добиться. Знает, какой мужчина ей нужен и где его искать. Но однажды в её мирок, будто слон в посудную лавку, вваливается молодой француз, понятия не имеющий о загадках русской души и тонкостях общения с умными девушками. В новой жизни, которую Дарья строит на осколках иллюзий, говорят на другом языке, едят другую пищу, стремятся к другим целям. Что проще: измениться самой или изменить мир вокруг себя? Дарья уверена, что второе интереснее!

Содержание

Вступление	5
Карнавал под угрозой	8
Знакомый из Сен-Тропе	20
Волшебная сила хрустальных бокалов	33
Падчерица Франции	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Как жить с французом?

Дарья Мийе

© Дарья Мийе, 2019

ISBN 978-5-4490-9558-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание этой книги основано на реальных событиях, но не исчерпывается ими. Потому что в жизни всегда есть место конструктивным фантазиям. Большинство имен в тексте изменены в целях сохранения семьи.

Вступление

Чтобы состоять в гармоничных отношениях с французом, надо научиться виртуозно делать две вещи – пить аперитив и вести бюджет за месяц. Я не даю себе поблажек: каждый день в пять вечера делаю кир из алиготе и черносмороденного ликёра; а каждого тридцатого числа сажусь напротив компьютера с ворохом чеков и методично заполняю ячейки экселевской таблицы циферками. Если эти два времяпрепровождения совмещаются, то к последнему чеку я наполняюсь ощущением такого всемогущества, что даже верю, будто мы можем взять ипотечный кредит.

Сам же Гийом часто манкирует обычаями. Но ему прощительно, ведь он настоящий француз, «с носом». Этот эталон французскости дала миру моя покойная бабушка. Расспрашивая про Гийома на заре нашего с ним романа, она всегда с удовольствием уточняла: «А он настоящий француз, с носом?» – С носом, с носом, – кивала я. И бабушка успокаивалась: значит, не негр, не араб, не китаец, которые последнее время тоже считаются «французами».

Несмотря на выразительный нос, из-за которого я пережила несколько неприятных моментов в юности, мне только предстоит нелёгкий путь адаптации к реалиям новой родины. И со страстью неوفита я берусь за самые французские занятия. Например, на прошлой неделе пожарила каштаны.

По собственной инициативе, никто меня за руку не тянул. В домашних условиях, без специальной деревянной сковороды с решётчатым дном, потратив полдня на надрезание их твёрдых коричневых попок крестиком. До этого я их сама собрала, а после этого – сама же съела, запивая нормандским сидром. Интересно, уже можно просить о гражданстве?

Учусь носить шарф, которого чуралась всю жизнь, несмотря на московские зимы и мамины крики в окно: «Закрой горло немедленно!». Ведь все молодые француженки ходят замотанными в шарфы, будто у них всё время воспалены гланды. Часто они не надевают колготок под юбку, но непременно сложно драпируют шею. В «Избранном» на компьютере у меня сайт с дюжиной способов завязывать красивые узлы.

Но сложнее всего дается прерываться на полноценный обед. Тут приходится прибегать прямо таки к йогическим техникам – дышать пятой чакрой, раздувая пустой живот, вставать в сложносочиненную асану, при которой держать равновесие так трудно, что лучше гнать от себя любую мысль, которая может случайно попасть в мозжечок. Сначала я просто пробовала садиться в позу лотоса и сжимать большие и безымянные пальцы обеих рук, чтобы нормализовать ток энергии прана. Но свободными оставались именно те шесть пальцев, которыми печатают. И через двадцать минут я обнаруживала себя остервенело стучащей по клавиатуре, как будто ко мне неотвратно подступает Дедлайн –

ни о каком равномерном течении праны не могло быть и речи.

Однако я продолжаю работать над собой, избавляясь от дурной привычки запихивать в себя обед без отрыва от производства. Ведь французы познаются за столом. Приём пищи для них превращён в череду прелестных маленьких ритуалов: вино с сиропом для разжигания аппетита, мозаика разноцветных закусок, от фиолетово-чёрного тапенанды до воздушно розового мусса из сёмги, – для пробуждения рецепторов; только потом основное блюдо для утоления голода; амюз-буш, чтобы перебить вкус первого перед тем, как приняться за второе; чашечка кофе с миниатюрной шоколадкой в качестве эффектного финала. Теперь мне уже удаётся степенно пожарить рис с курицей и даже съесть полтарелки между приступами трудоголизма. Полтарелки – это видимый прогресс. Но до того, чтобы прерваться на первое, второе и третье в середине трудового дня, потребуются, вероятно, годы эзотерических практик.

Карнавал под угрозой

Чин-чин!

Мы чокнулись бокалами с кьянти и рассмеялись от переполнявшего нас ощущения счастья. Пусть эти благородно седеющие синьоры думают, что хотят, даже то, что мы вместе. Каждый из них мечтает сейчас сидеть за нашим столиком.

Алеся поскребла ногтем шероховатую поверхность своей маски – серо-голубой, украшенной пышными розовыми перьями у левого виска.

– Думаешь, удастся довести её до Москвы?

Я пожалала плечами.

– По-моему, она родилась в Венеции и должна умереть здесь же.

Алеся подхватила маску за глазницу и повертела на указательном пальце.

– Велика вероятность, что родилась она всё-таки в Китае, в неизвестной южной провинции, в невентилируемом подвале среди сотен измождённых семидесятичасовой рабочей неделей китайцев.

– Ты портишь сказку, кара, – поморщилась я.

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, и по-моему, – Алеся сделала полукруг почёта правой рукой, – нам неплохо это удастся!

Я посмотрела на дымящийся в чашке капучино, на колы-

шущиеся у причала гондолы, на жёлтое февральское небо над колокольной Сан-Джорджио-Маджоре, и подумала, как она права, эта разумная Алеся. Нам уже все удалось, удалось и отдалось. А ведь нам всего-то по двадцать два.

Как всё лучшее в жизни, этот волшебный отпуск перепал нам случайно. Мы приехали работать на конференцию по экономическому развитию Альто-Адидже, самой автономной области Италии, где проводятся в жизнь инициативы настолько удивительные, что их эхо доносится даже до России. Во многом – нашими с Алесей стараниями. Я выступала тут как аккредитованный журналист, Алеся – как помощник директора амбиционной итальянской компании, которая повсюду распушала хвост на конференции. За прошедшие пять дней мы сполна насладились рекламными обещаниями региональных чиновников и гигантов автопрома, чтобы с восторгом принять предложение коллеги Алеси провести остаток конференции в Венеции, где у него пустовала мансарда напротив церкви Санта-Мария-дей-Мираколи. «Красивейшей церкви в Венеции, – соблазнял нас Марио. – И потом, там сейчас карнавал».

Я всё никак не могла привыкнуть к тому, что итальянцы выступают с такими заманчивыми предложениями совершенно бескорыстно, поэтому постоянно уточняла, не придётся ли нам ухаживать за хомячком, поливать по часам капризные растения или делать генеральную уборку.

Не обнаружив никаких подводных камней, утром в четверг, вместо того, чтобы занять места в очередном конференц-зале, мы устроились на мягких сидениях скорого поезда, который доставил нас из Тренто в Тонуций Город за три часа.

Перетащив чемоданы через бессчётное количество мостиков и преодолев пять узких лестничных пролётов, мы шумно выдохнули напротив малюсенькой двери, за которой, судя по плану на альбомном листке, скрывалось жилище Марио. Мансарда стоила этого долгого пути. Там не было ни стопок засаленных порножурналов, ни следов пребывания оголодавших домашних животных, ни слоя священной холостяцкой пыли. Зато были панно из муранского стекла, подвесные плетеные кресла и мини-бар, заполненный винами из всех регионов Италии. Из крошечного окошечка на кухне виднелись бело-коричневые стены Санты-Марии-дей-Мираколи.

Если бы все февраль были такими, их существование в календаре можно было бы извинить. За окном мансарды быстро вечерело, а температура держалась на отметке десяти градусов: чтобы чувствовать себя надёжно укрытым от «мороза», достаточно было двухслойной вельветовой куртки и порции ламбруско. Мы сбежали с пятого этажа по узкой винтовой лестнице и, прежде чем выскользнуть в грязно-

ватый калле¹, опустили на лица маски: я – зелёно-оранжевую с золотистой сеточкой, имитирующей вуаль, Алеся – серо-голубую с пером. Розовое перо – единственное напоминание о том, что сегодня День Святого Валентина. В Венеции эту слащавую дату можно не заметить; Доктор Смерть – злобещая белая маска с щёлками глаз и непомерно выдающимся носом – не идет на компромисс с производителями романтической символики.

В двадцать два года одиночество в День влюбленных воспринимается не с грустью, а с энтузиазмом: оно означает, что мы пока мы связаны «стабильными отношениями» со скучными субъектами, которые проходят мимо украшенных витрин, видя в них заговор мировой коммерции. Следовательно, мир полон удивительных возможностей. Используя одну из них, четырнадцатое февраля мы отмечали в кафе на набережной Рива-дельи-Скьявони, влюбленные в Венецию, в Италию, в февраль, и главное – в самих себя. Позади у нас был год, полный незабываемых – и в большинстве случаев оплаченных работодателями – путешествий, впереди – судьбоносные встречи и бескрайние творческие горизонты.

Кроме того, я была совершенно уверена, что это последний День Святого Валентина, который я встречаю в волнующем статусе «сингл»²: меньше, чем через месяц я должна

¹ «Переулоч» на венецианском диалекте

² Англ. single – одинокий, без пары

была увидеться с человеком, за которого мечтала выйти замуж последние пять лет. А если чего-то так сильно хотеть, у этого просто нет возможности не сбыться.

Маартен – это не мужчина, это мечта. Это, как поёт Шакира, «мой заслуженный приз за то, что я была такой хорошей девочкой». Он может украсить собой обложку «Мэнс Хелф», но при этом он натурал. Он выпивает шот для храбрости, прежде чем пригласить девушку на танец, хотя глядя на него, не сомневаешься, что девушки сами готовы оплатить ему неограниченный доступ к бару за одну возможность прислониться к нему. Когда несколько лет назад мы познакомились на турецком курорте, у меня от восторга случилась кратковременная амнезия: на четыре дня я забыла подруг, с которыми у нас была запланирована культурная программа по побережью Эгейского моря, ожидающегося в Москве бойфренда и моральные принципы, запрещающие переходить к сексу на втором свидании. Я даже забыла, кто такая Шакира, хотя при каждом взгляде на Маартена тихонько напевала фразу из её песни.

Мы расстались легко, без слёз и обещаний. В течение следующих лет перекидывались поздравительными смсками на Рождество и дни рожденья и иногда писали друг другу электронные письма. Один раз он мне даже позвонил: было

поздно, он одиноко сидел в баре, пил пиво и думал обо мне. Это ли не верный признак глубоких чувств! Что-то внутри меня всегда знало: через несколько лет, когда он вылечится от травм последней любовной истории, бросит курить и будет реже говорить о маме, я стану миссис Маартен Уэнс.

Несколько месяцев назад, после очередного болезненного расставания с другом по эротической переписке, я решила, что круг пора замкнуть. Пора вернуться к началу, в ту точку, где я с трудом связывала английские слова и в момент, когда он стонал «*Oh, I'm cumming!*»³, без всякой задней мысли переспрашивала «*Where?*»⁴. К тому мужчине, образ которого вдохновлял меня на подвиги – электроэпиляцию зоны бикини, покупку шёлковой пижамы и перекрашивание волос в золотисто-рыжий цвет. К тому, благодаря которому я заинтересовалась гобеленами, кружевами, малиновым пивом и фламандским языком. Все вокруг пожимали плечами: никому не нужное, малопонятное ответвление голландского, на котором говорят в одной единственной области – Фландрии, где параллельно на правах государственного существует вполне человеческий французский. Но французский был мне категорически не интересен и даже неприятен за его неэкономное отношение к буквам – от двух до пяти зна-

³ Англ. «О, я кончаю!», близко по звучанию англ. *Oh, I'm coming*, что в переводе значит «О, я прихожу!»

⁴ Англ. «Куда?»

ков, чтобы выразить один гласный звук! Поэтому я настойчиво, но безуспешно искала курсы фламандского в Москве и распечатывала страницы из антверпенских газет, чтобы «почитать» за обедом. Таков был метод, который когда-то подсказала моя первая учительница итальянского, знавшая около двадцати языков в основном потому, что самолёту она решительно предпочитала поезд. «Берёшь в дорогу книгу на совершенно незнакомом языке. Первые три станции, естественно, не понимаешь ничего. Потом начинаешь узнавать отдельные грамматические конструкции. Потом угадываешь какие-то слова, похожие на русские или английские. Так, глядишь, к концу путешествия начинает вырисовываться сюжет».

Я поезду предпочитала самолет, но от этого не собиралась расставаться с лингвистическими амбициями – между Москвой и Брюсселем три с половиной часа прямого перелёта, а с пересадкой так и все пять. Я очень радовалась мысли, что делаю крюк через пол-Европы не просто так, а с пользой. Потому что на прямой перелёт мне всё равно не хватало – я заканчивала университет и работала неполный день на итальянскую редакцию в Москве. Начальник-итальянец считал, что его лучезарная улыбка заменяет ежегодную индексацию зарплаты. Мои сбережения только начинали формироваться, и процесс этот обещал быть долгим.

Я купила билеты на сложносочиненный маршрут Москва-

Копенгаген-Брюссель-Копенгаген-Москва еще осенью – пожалуй, впервые за собственные деньги, а потому на распродаже – и принялась ждать. И вот до дня Икс остался месяц; он, конечно, будет напряжённым, ведь надо столько всего сделать, чтобы освежить воспоминания пятилетней давности и предстать перед героем девичьих грез Царевной-Лебедью. Маникюр, педикюр, эпиляция, разгрузочные дни, ежедневные маски для лица и волос, обновление гардероба... Как кстати образовалась эта поездка в Италию, на родину всего красивого из кожи и замши! Куплю осенние сапоги, соответствующие масштабу замысла. Маартен ведь очень внимателен к аксессуарам: во мраке турецкой ночи он отметил, что моё белье сочетается с заколкой.

...Мы вскарабкались на нашу мансарду около трёх ночи. Со стонами и скрипом стянули свежкупленные сапоги. Не стовариваясь потрясли кулаками и выкинули пальцы: Алесины «ножницы» порезали мою «бумагу», а значит, ей выпало первой принимать душ. Выигрыш в «банную лотерею» давал не только фору во времени отхода ко сну – часто он определял, кто вообще сегодня ляжет спать чистым. Бойлеры, греющие воду в экономных европейских городах, не любят полуночников – горячая вода иссякает уже к десяти вечера, а в двенадцать ночи приходится мыться под жал-

кой, еле тёплой струйкой.

Алеся скрылась в ванной, а я по привычке потянулась к компьютеру – кинуть запись в ЖЖ и проверить почту.

В почте ждало письмо от Него. У меня приятно щекотало в животе, пока медлительный венецианский интернет загружал страницу. Что там? Описание, как добраться до его дома? Или культурная программа, где шоколадная фабрика сменяется музеем гобеленов? Или напоминание взять теплые вещи, ведь мы поедem на побережье?

Окно, наконец, загрузилось. В письме говорилось, что его посылают в командировку в Голландию и вернется он ровно за день до моего отъезда. «Но надеюсь, нам всё-таки удастся встретиться перед твоим отлётом».

Шкафы, зеркала, трюмо, потолочные балки, сапоги – всё закружилось у меня перед глазами. Мне показалось, что на какое-то время я вообще разучилась читать. Буквы прыгали одна на другую и задорно помахивали хвостиками. Ноги будто приросли к паркету, а локти невозможно было оторвать от подлокотников. «Надеюсь, нам удастся встретиться перед отлётом»?! «Надеюсь»?!! О, как не сопоставимы наши надежды! Я-то надеюсь, что после волшебной недели, проведённой вместе, ты представишь меня родителям или мы хотя бы запланируем следующий совместный отпуск.

Я сидела в кресле, не в силах пошевелиться, с ноющими от неразношенных сапог мысками, интимной стрижкой в виде кошачьей мордочки, гладким от радиочисток лицом,

на котором предательски подергивались носогубные складки – вся такая готовая к любви и никому-никому не нужная. Вот так, несколькими предложениями, была разрушена многомесячная мечта. Хотя ощущения были такие, будто разрушена вся жизнь.

– Дорогая, я оставила тебе чуть-чуть горячей воды... Что случилось?

Алеся выплыла из ванной в облаке пара. В белом халате и высокой чалме из полотенца она была похожа на фею-крёстную, явившуюся решить все мои проблемы.

– В Бельгии меня никто не ждёт, – обронила я тихо.

Алеся развернула к себе ноутбук и прочитала письмо.

– Мда... Какой подлец! – только и нашла что сказать «фея».

– Ну, строго говоря, он ни в чем не виноват, – шмыгая носом, принялась я оправдывать предмет своей страсти. – Я же не сказала ему, что специально из-за него еду в Бельгию. Сказала, что еду по работе, а с ним буду рада увидеться в свободное время.

Алеся внимательно смотрела на меня. И правда, из моих возбужденных монологов могло показаться, что Маартен считает дни до моего приезда с не меньшим восторгом, чем я сама.

– Я же не могла вот так сразу, как снег на голову, обрушиться на него с известием, что приехала строить серьёзные

отношения! – теперь я старалась оправдать уже саму себя.

– Но отель-то ты забронировала? – уточнила практичная Алеся.

Я подняла на неё виноватый взгляд.

– Нет?! А где ты собиралась жить?

– Я рассчитывала, что он встретит меня в аэропорту, мы поедем к нему и он больше не захочет меня отпускать.

– Мда-а, – протянула Алеся. – Сдай билеты и купи ол-инклюзив в Турцию.

– Билеты несдаваемые, – выдавила я, все глубже погружаясь в отчаяние. Будет мне урок – никогда впредь не покупать билеты за свой счёт.

Алеся понимала, что продолжение карнавала под угрозой. Среди моих астральных характеристик – умение портить настроение всем окружающим, чтобы привести его в резонанс с моим. Поэтому она глубоко вдохнула и произнесла:

– Дорогая, ты всегда говоришь, что надо жить настоящим. Давай на оставшиеся три дня просто запретим тебе думать об этом. Будет жалко, если из-за этого письма ты прогрустишь весь карнавал.

Я молчала. Для человека, у которого только что отняли мечту длиной в пять лет, я ещё неплохо держалась. В голове дул сквозняк, легкие отказывались вдыхать, а желудок грозил вывернуться наизнанку.

– Всё равно отсюда ты ничего не можешь сделать, – продолжала увещевать Алеся. – Тут даже интернет под честное

слово работает.

Действительно, проводной интернет в тонущей Венеции, да ещё на пятом этаже ветхого здания был довольно эфемерной связью с внешним миром. Будь она более стабильной, я почувствовала бы необходимость срочно действовать, решать, устраивать, перекраивать, искать и находить. А так ничего не оставалось, как вспомнить принцип Скарлетт О'Хара: «У меня нет сил думать об этом сегодня. Подумаю об этом завтра». Я установила в окошке чат-программы *MSN* статус «*Belgian holidays in risk!*» («Бельгийские каникулы под угрозой срыва») и отправилась спать.

Знакомый из Сен-Тропе

«Пора пересмотреть свою жизненную позицию...» – размышляла я, навигируя по сайтам бронирования отелей. Карнавал и Венеция остались в недалеком прошлом, в железном цилиндре ещё не вынутой из фотоаппарата плёнки, в неразобранном чемодане, раскорячившемся посреди спальни, – и я оказалась лицом к лицу с тем, о чём пыталась забыть последние три дня. Цены на отели в бельгийской столице были рассчитаны на парламентариев Евросоюза, которые регулярно собираются там на ассамблею; по крайней мере, так казалось мне, студентке, живущей на скромный заработок редактора маленькой газеты. Шестьдесят евро за ночь в одноместном номере – это ужас и кошмар при зарплате в шестьсот, учитывая, что мне нужно прожить там неделю. Если бы я приехала, скажем, с подругой, то тот же номер обошелся бы каждой из нас в тридцать евро – как раз ту сумму, которую я теоретически могла бы изъять из бюджета. Но никто из моих подруг не купил дешёвых несдаваемых билетов по акции *KLM*. А если и купил, то точно не в Бельгию: только мне могла прийти в голову идея тратить отпускные дни в этой сумрачной, ничем непримечательной стране.

Похоже, пришла пора серьёзно задуматься о финансовой стороне моей беззаботной жизни. Быть журналистом мне нравилось: тебя везде хотят, везде ждут, везде по-королев-

ски принимают. Я, конечно, подозревала, что то, чем я занимаюсь, – это немного не настоящая журналистика, и где-то рядом существует мир, где моих коллег гонят поганой метлой из двери, а они пролезают в окно. Но стоит ли расстраиваться из-за того, что не принадлежишь к когорте тех журналистов, которые гордо именуется «слугами народа» и которых сам народ в массе своей презирает? Мне нравилось летать по Европе за счёт заинтересованных в моём пере офисах по туризму или итальянских компаний, имеющих планы на российский рынок. Нравилось есть деликатесы и пить дорогие вина на пресс-ужинах. Нравилось блистать нарядами на презентациях. Иными словами, мне нравилось жить не по средствам. И вот впервые я столкнулась с тем, оказывается, организовать простейшее путешествие мне не под силу и, что самое обидное, не по кошельку.

Внизу экрана мигало оранжевым сообщение, которое я не могла открыть уже часа полтора, обескураженная гостиничными тарифами.

GM: Привет! Как дела? Так ты всё-таки едешь в Бельгию?

Спрашивал один шапочный интернет-знакомый – из тех, которые своей тоскливой вежливостью никак не дают желанного повода отправить их в игнор.

Я подумала, что он не отличается оригинальностью.

Примерно за полгода до этого...

– Даша, вы бывали в Сен-Тропе? – раздался в трубке голос главного редактора журнала о путешествиях, для которого несколько раз я переписывала чьи-то неформатные тексты.

– Пока нет, – ответила я, интонационно выражая готовность отправиться туда хоть завтра с редакционным заданием.

– Хмм, жаль, я так на вас рассчитывал. А сможете сделать текст так, как будто вы там бывали, причём недавно?

К подобным просьбам быстро привыкаешь. И так же быстро перестаешь всерьёз воспринимать лекторов факультета журналистики, которые говорят, что главное в работе хорошего репортажника – это ноги и глаза. Главное – хвост! То есть богатое воображение и умение выуживать информацию из интернета.

– Спрашиваете, шеф! Комар носа не подточит!

– Время есть до понедельника. Да, знаю, немного, но ситуация непредвиденная – заказанный текст оказался полным... Ну вы понимаете.

Я понимаю. Так, спасая номер, я уже мысленно побывала в Доминикане, Мексике, Малайзии и на Багамских островах – к сожалению, именно в тех местах, где мечтала побывать своим физическим, а не воображаемым телом. Но бюджет, сроки сдачи и другие редакционные формальности учат журналистов смирять свои амбиции.

Чтобы растолкать воображение, которое лениво ворочается при звуке незнакомых названий, мол, я никогда там не бывало, мне не за что даже зацепиться, чего ты от меня хочешь, неугомонная, – есть проверенный рецепт. Воображение как гоночная машина. Если оно видит маршрут, на каждом повороте которого висят запретительные знаки и напоминания о допустимой скорости, оно впадает в тоску и вообще отказывается ехать. Поэтому для начала я заливаю в него хороший бензин из слухов, жареных фактов, газетных уток, непроверенных сведений, субъективных мнений и обрывочной информации. Пока оно радостно визжит колесами, наматывая километро-страницы абсолютной белиберды, я тихонько начинаю наносить на асфальт разметку. Ставлю предупреждающие знаки. Вешаю радары и светофоры. Кладу лежачих полицейских. И поскольку воображению теперь уже больше хочется ехать, чем останавливаться, оно вынуждено им подчиниться. В итоге текст получается живым и фактически правильным.

Из всех определений профессии журналиста, которых нас в избытке снабдили на факультете журналистики, мне нравится такое: «журналист не должен всё знать – он должен знать, у кого это спросить». Поэтому я мастер каталогизации. Френды в социальных сетях у меня рассортированы по папочкам с указанием страны проживания. Напротив имен указаны также места на земном шаре, в описании которых они могут быть полезны. Например:

Рустам: Азербайджан, Румыния (семья брата)

Леонард: Калькутта, Куба (отдыхал), Зимбабве (отдыхал)

Кириякос: Кипр, Коста-Брава (работал)

Томи: Стамбул, Лондон (учился), Страсбург (жена)

Сэм: Вашингтон, Мексика (стажировка)

Валерий: Нижний Новгород, Ереван, Джибути (запутанная история)

Попасть во френды претенденты могли в случае соответствия трём критериям: а) если они были невероятно красивыми брюнетами; б) если они происходили из какой-нибудь экзотической страны; в) если они не начинали разговор с фразы «Привет! Как дела?». Благодаря их маленьким рассказам, а иногда и просто обрывочным репликам, эффект присутствия у моих текстов всегда получался стопроцентный.

Сен-Тропе определённо не был медвежьим углом – в этом я убедилась, когда, открыв на экране окно чата, обнаружила семь присланных сообщений в ответ на мой статус «*Saint-Tropez – posh or moche?*»⁵. Высказаться о городке на Лазурном берегу хотели все, от флегматичного немецкого инженера до манекенщика-скандинава. Единственный француз,

⁵ «Сен-Тропе – модный (англ.) или уродливый (фр.)»

среагировавший на провокацию, разочаровал меня немногословностью: «Я бы не потратил ни дня своего отпуска на Сен-Тропе». Это диалоговое окно было тут же без сожаления закрыто.

Методично записав остальные комментарии в файл черновика будущей статьи, я занялась разработкой самых перспективных месторождений мысли. Например, швейцарский доктор, здорово помогший мне когда-то со статьей о Церматте, упоминал об игре в петанк, причем непременно в белом льняном костюме, как о традиционном развлечении местных жителей. Эту тему стоило развить. Американский профессор вспоминал, как провел в Европе медовый месяц со второй – но не последней – женой. Хотя это было в конце восьмидесятых, его воспоминания о шампанском и яхтах казались очень осязаемыми и легко могли быть осовременены.

Статья выписывалась кружевами: образ цеплялся за образ, одна метафора тянула за собой другую. Но я продолжала искать. Искать камертон, который привел бы все эти яркие образы, интересные факты и многоярусные метафоры в единую тональность, и тогда они бы выстроились в прекрасную мелодию. А между тем, был уже вечер субботы. Внизу экрана раздражающе мигало оранжевым сообщение, которое я в пылу работы не открывала уже второй час.

GM: Привет! Как дела? Ты всё-таки собираешься в Сен-Тропе?

Спрашивал тот самый француз, на которого возлагались большие надежды и который их не оправдал.

DK: Да я, в общем-то, туда и не собиралась.

GM: А зачем спрашивала?

DK: Статью пишу.

GM: Ну да, ты же журналист. И что ты пишешь о Сен-Тропе – он модный или уродливый?

DK: Я думала, ты мне расскажешь.

И он совершенно неожиданно выдал моему воображению целую канистру первоклассного бензина с фракциями субъективности, детских воспоминаний и местных суеверий. Он рассказал про то, что ночью в тех местах ездить опасно из-за привычки диких свиней выскакивать на проезжую часть; про то, что водители, поставив машины в зигзагообразную оборонительную конструкцию, перекупают друг у друга парковочное место прямо на самом этом самом парковочном месте; про то, что комплект для петанка там стоит сколько, будто шариканы сделаны из серебра 925-й пробы.

В понедельник текст был сдан. Главными героями его были я сама, французский юноша, которого я никогда не видела, и город, в котором я никогда не бывала. После публикации наша связь, никогда не существовавшая в действительности, стала полновесным фактом медиа-пространства.

...Так вот, я подумала, что он не отличается оригинальностью. И что еще хуже, в отличие от текста о Сен-Тропе, сейчас он мне никак не может помочь.

DK: Пожалуй, я уже не собираюсь в Бельгию. Мои друзья меня кинули.

GM: Почему?

Я сама себе задаю этот вопрос. Только я задаю его примерно с такой интонацией: «Почему??!! Ну почему????!!!!!»

DK: Потому что их не будет там, пока там буду я. Одной мне нечего там делать и нигде остановиться.

На другом конце затихло. Для приличного человека этот француз явно затягивал с соболезнаваниями. Я подождала ещё немного, потом свернула окно и вернулась к грустным поискам гостиницы за тридцать евро в сутки.

Когда диалоговое окно снова замигало, я намеренно не открывала его минут десять. Что интересного мог сказать человек, начинающий виртуальную беседу с «Привет! Как дела?». Наверняка он обошелся скудной формулой вежливости типа «Мне очень жаль, что твои друзья так поступили, но уверен, ты найдешь, чем заняться в Бельгии». Нет, это для него длинновато. Скорее, он ограничился просто «Мне очень жаль!». Я развернула окно.

GM: Знаешь, у меня как раз появилась возможность взять отпуск, так что, если хочешь, я мог бы приехать в Брюссель и побыть с тобой.

GM: Мне несложно.

GM: От Парижа это всего два часа на поезде, я только что проверил.

Я не верила своим глазам. Три строчки текста за раз? Нет, подождите, он ГОТОВ ПРИЕХАТЬ? Он же меня даже не видел, ну разве что на фотографии в виртуальном профиле. Я, конечно, там очень даже ничего себе, с выдающейся грудью и вообще похожа на Кэтрин Зету-Джонс, но... Этот парень, что, никогда не слышал о фотошопе?

Я отъехала от компьютера на стуле на колесиках и приняла позу, удобную для размышлений – ноги выставлены вперед, спина согнута дугой, одна рука обхватывает грудь, другая подпирает голову. Это очень мило с его стороны – потратить свой отпуск на совершенно незнакомую девушку. И он мог бы стать той самой «подругой», которой недо­ставало в расчётах... Загвоздка в том, что он не «подруга», а некое виртуальное существо предположительно мужского пола, которое собирается обрести кровь и плоть и жить бок о бок со мной неделю. А вдруг он мне не понравится? Вдруг у него из носа растут волосы и дурно пахнет изо рта? С дру­гой стороны, он помог бы мне сэкономить как минимум две­сти десять евро в неделю, за это можно многое простить. Ну, не волосы и не запах, конечно, но... скажем, если он носит дырявые носки – можно простить. Или, например, не стри­жёт, а обкусывает ногти... Нет-нет, ногти – не могу. Носки – могу, ногти – не могу! Хотя, если подумать, двести десять евро – это ведь целое весеннее пальто... Мы же будем все-

го-навсего соседями по комнате, пусть, в конце концов, грызет свои ногти. А если он не пользуется дезодорантом? Я же задохнусь. Двести десять евро экономии плюс спасенные сто пятьдесят евро за несдаваемый билет. Господи, я уже задыхаюсь!

Я соскочила со стула и пошла в ванную ополоснуть лицо холодной водой. Контраст температур всегда помогает прийти к верному решению. Лучше что-то сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть. Тем более что в конце путешествия меня ждала награда за все перенесенные страдания – короткая, но такая долгожданная встреча с Маартемом. И пусть мы не успеем сделать всего запланированного, старт будет дан. Потом, через пару месяцев он приедет в Москву, скажет: «Дарья, я умираю вдалеке от тебя». И всё начнётся по-настоящему.

– Это идея! – напечатала я в диалоговом окошке, вытирая щёки воротом домашней кофты. – А ты, правда, хотел провести отпуск в Бельгии?

– Нет. Но там хорошее пиво.

Ну и славно. Если бы он сказал «Нет. Но если там будешь ты – да», я бы чувствовала себя обязанной. В моей ситуации это очень некстати.

– В какой гостинице ты остановишься?

Вот он, момент истины.

– В том-то и проблема. Я не могу забронировать гостиницу, потому что у меня нет кредитной карточки.

– Как это, у тебя нет кредитной карточки? Ты её потеряла?

– У меня её и не было никогда...

Моё смущение было заметно даже орфографически. Неужели человеку в двадцать два года совершенно необходимо иметь кредитку? У нас в стране на тот момент карточки были только у сотрудников иностранных компаний и тех, кто держал счета в швейцарских банках или оффшорах. Прогнивший капиталистический Запад!

– Хмм.

Видимо, это сочетание букв должно было выражать крайнюю степень задумчивости и скептицизма. Чтобы он не дай бог не подумал, что у меня имеются виды на его кредитку, я быстро добавила, что, похоже, придётся ехать вникуда и искать гостиницу на месте.

Этот вариант отпадал уже потому, что пограничники в аэропорту могли потребовать бронь отеля, и я уже представляла себя, бедную-несчастную-голодную-три-дня-немытую, в гипсокартонной комнатке ожидающую депортации. Слава богу, тонкий психологический расчет сработал.

– Хмм... Ладно, я забронирую отель по своей карте.

На какую сумму ты рассчитываешь?

– На тридцать евро с человека.

– То есть... если я правильно понял, ты хочешь снять один номер на двоих?

Он мгновенно калькулирует! У меня на голове зашевелились волосы. Вот что он сейчас обо мне думает? Раскованная

девушка из России, никогда не имевшая банковской карты, но не чурающаяся перспективы жить вместе с незнакомым мужчиной, у которого такая карта есть? Из маленького диалогового окошка на меня струилось презрение и подозрение, и от стыда я поглубже зарылась в плед.

Он повторил вопросительный знак.

– Ну, я думала сэкономить, раз уж мы поедем вместе.

– Логично. Побудь онлайн, пока я буду бронировать.

– О'кей! – радостно согласилась я. – Кстати, потом ты не мог бы прислать мне копию брони на случай, если пограничники в аэропорту спросят? Знаешь, для нас, русских, мир полон формальностей.

– Хорошо.

Уфф. Теперь главное – не думать раньше времени о торчащих из носа волосинках и оспинах от подростковых прыщей. На фотографии в профиле он недурён собой – широкоплечий темноволосый парень со свободной стрижкой и рюкзаком за плечами. Правда, фото довольно расплывчатое и сделано «на расстоянии».

Через полчаса окошко снова замигало. На этот раз я открыла его сразу:

– Я выслал тебе на почту подтверждение бронирования. Оно на мое имя, но я приложил еще письмо пограничникам с объяснением, что номер забронирован на двоих. Там мой номер телефона и копия моей идентификационной карты. Так, если возникнут вопросы при въезде, пусть свяжутся

со мной.

– Спасибо!

– Не за что. До связи.

Его предусмотрительность подкупала. В почте я нашла письмо со всеми обещанными документами и сразу отправила их на печать. Трещавший струйный принтер строчка за строчкой выдавливал из себя спасение моим бельгийским каникулам. Вот улеглись в лоток испещрённые мелкими латинскими буквами листки бронирования. За ними выползло письмо – незнакомые слова с обилием надстрочных знаков, характерных для французского. И наконец – копия идентификационной карты, аналога европейского внутреннего паспорта. Я взяла в руки последнюю страницу и всмотрелась в официальную фотографию: даже чёрно-белая и плохо пропечатанная, она обещала, что эти каникулы будут больше, чем просто дружескими...

Волшебная сила хрустальных бокалов

План А: сказать больно и отпустить его наслаждаться отпуском в одиночестве.

План Б: надеть кольцо на безымянный палец правой руки и с энтузиазмом сообщить, что я недавно вышла замуж.

План В: сказать, что мой главный интерес в Бельгии – музеи гобеленов.

Сидя в жёстком кресле самолёта «Королевских авиалиний», я листала купленный в аэропорту справочник «Лё Пти Фюте» с видом человека, который старается составить эргономичный маршрут, связавший бы Атомиум, Парк Европы, Музей Рене Магритта и Писающего Мальчика. На самом деле мозг судорожно генерировал маневры на случай, если попутчик мне совсем не понравится. Да, гобелены – это хорошо, это должно стать сильным аргументом против моего общества...

Чем ближе подлетал самолёт к пункту назначения, тем влажнее становились мои ладони. Когда капитан объявил о начинающейся посадке, я залпом выпила пластиковый стаканчик красного вина и вжалась в кресло в жалких попытках медитации. Тук-тук, тук-тук, тук-тук – колотилось в заложенных ушах.

«Привет, так вот ты какой!»

«Привет! Вино на борту было неплохим»

«Привет, ты любишь Магритта так же, как люблю его я?»

Фантазия никак не могла разродиться оригинальной приветственной фразой.

Едва я вышла в «рукав», соединяющий самолет с аэропортом, в сумке заиграл мобильный.

– Ты долетела? – спросил красивый мужской голос.

Только тут я поняла, что до сих пор мы даже ни разу не слышались.

– Да, уже иду к паспортному контролю.

– Отлично, я жду на выходе.

Чем бы все это не кончилось, голос заверните, пожалуйста, отдельно.

Кусая от нетерпения ногти, я прошла паспортный контроль. Переминаясь с ноги на ногу, дождалась чемодана. Шумно выдохнула и шагнула к автоматически открывающимся дверям. Обвела испуганным взглядом толпу встречающих. Кто-то справа махнул рукой. Я обернулась... Господи, как много времени потеряно на придумывание дипломатичных отказов! Все эти часы надо было потратить на разработку всевозможных завоевательных стратегий! В толпе встречающих стоял Мой Принц, и по всей очевидности, он ждал именно меня. Я шагала к нему с глупой улыбкой и абсолютной, пугающей, восхитительной пустотой в голове.

«Неужели ни одного прыща?» – думала я, таращась на него всё с той же приклеенной улыбкой, пока мы спускались в лифте на платформу, откуда стартовал экспресс-поезд к центру города. Он тоже явно что-то искал в моём лице. Но я, в отличие от него, не могла похвастать ни такой непогрешимо матовой кожей, ни такими идеально лежащими волосами. Ни чётко очерченным подбородком, ни кинематографическим профилем. Ни даже приятным румянцем на скулах – от сознания своих несовершенств я полыхала огнём от ушей до мизинцев.

Перебрасываясь короткими фразами на английском, мы сели в поезд и через невыносимых полчаса краснений, бледнений и заиканий прибыли на Северный вокзал, рядом с которым, судя по «ГуглМапс», располагалась наша гостиница. Француз нравился мне всё больше, особенно после того, как предложил обменять свой маленький мужской несессерчик на колесиках на мой двадцатикилограммовый баул, набитый одеждой и обувью на все случаи жизни. Мелочь, в общем-то, но для нас, неземансипированных женщин, она многое значит. Надеюсь, Маартена эмансипация тоже не слишком испортила, но, в конце концов, всё поддается коррекции. Он же не виноват, что родился в Европе.

Отель не обманул ожиданий только в одном: он действительно находился в пяти минутах ходьбы от вокзала. Я отда-

ла Гийому паспорт и присела на диван, предоставив ему дирижировать ситуацией. Судя по его напряженной спине и часто повторяемому «Но-но-но», я вовремя самоустранилась: процесс регистрации проходил с осложнениями. За десять минут перепалки на французском между Гийомом и хозяином отеля мои предположения становились мрачнее и мрачнее.

Мы будем ночевать на вокзале?

Банк аннулировал кредитку Гийома?

Русский загранпаспорт не действителен в Бельгии?

Гийом находится в международном розыске?

Я нахожусь в международном розыске?!

Гийом подошел ко мне, рассерженный и красный.

– Чёрт-те что! Я даже не знаю, что делать, – «ну точно, аннулировали кредитку и загранпаспорт не действителен», пронеслось у меня в голове. – Они отдали наш номер час назад.

– Как такое возможно? Ты же его оплатил, – воскликнула я, отгоняя от себя образы бомжей, ошивающихся у вокзала. – То есть мы будем спать на улице?

– Да, оплатил. Но ресепшионист подумал, что раз мы... ну в общем, что мы... если мы парень и девушка, то... короче, он подумал, что его коллега ошибся, забронировав для нас номер с двумя одноместными кроватями. И отдал его пожилой паре.

В моём воображении бомжи сменились совсем другими

образами.

– То есть комнаты у них всё-таки есть? – осторожно уточнила я.

– Да, но только с двуспальными кроватями.

На его лице была написана такая искренняя досада, что мне стало не по себе. Казалось, стоит мне шевельнуться в направлении входной двери, как он вылетит туда, увлекая за собой оба наших чемодана. Но с другой стороны, раз он еще не на пути к вокзалу, значит, ждет решения от меня. А у меня за плечами в общей сложности семь с половиной часов пути, считая дорогу до Шереметьева и пересадку в Копенгагене. И мне совершенно не нравилась мысль провести остаток этого влажного мартовского вечера, чавкая по лужам замшевыми сапожками в неизвестном направлении. Ведь у нас тогда ещё не было смартфонов с функцией ориентировки на местности.

– Ну что ж, придется брать то, что есть. Не на улице же ночевать, – сказала я, смотря на него глазами оленёнка Бэмби. Разве Бэмби может навевать непристойные мысли? Только мысли об опеке и заботе.

Гийом согласно кивнул.

– Но я попрошу его, как только комната освободится, сразу же переселить нас.

– Конечно! – горячо поддержала я эту инициативу. Даже чересчур горячо.

В сопровождении хозяина мы поднялись по крутой лест-

нице на третий этаж, волоча за собой чемоданы – в штате отеля носильщик явно не числился. «Вот это настоящая жизнь, Дашенька. Хорошо, что тебе не надо к ней привыкать», – вела я мысленный диалог сама с собой, втягивая на очередную ступеньку относительно лёгкий Гийомов чемоданчик. В моей жизни журналиста-путешественника нас везли из аэропорта на микроавтобусе с кондиционером, по дороге заботливый отельный менеджер раздавал нам бутылки с минералкой, в лобби гостиницы нас, как правило, ждал поднос с бокалами шампанского, и пока мы чокались за знакомство, ресепшионист уже приносил ключи от наших комнат. Надо ли говорить, что чемодан сама я передвигала не дальше, чем от багажной ленты до стойки такси.

Хозяин отпер дверь с номером 303 и шагнул внутрь. Мы остались за порогом, потому что больше туда войти никто не мог.

– Там ванная, – хозяин уперся локтем в стену слева. – Там окно, рядом шкаф, – широкий жест направо. – А вот кровать, – он дал дружеский шлепок подушке. – Чувствуйте себя как дома!

И бочком вышел. Мы переглянулись и втянули чемоданы в узкое пространство между кроватью и гипсокартонной стенкой. Перед нами было окно, а за ним – глухая серая стена какого-то индустриального здания. Хотя если уж совсем честно, перед нами была Кровать, а уже за ней – окно. Но этот предмет интерьера мы молчаливо договорились

не замечать.

Это было очень стеснительно. Мы изо всех сил старались не смотреть в сторону лежбища, но ввиду того, что оно занимало три четверти пространства комнаты, получалось у нас плохо. Я аккуратно раскладывала свои блузки на левой стороне кровати, боясь задеть ими невидимую демаркационную линию, которая делила спальное место на мою и его половины. Гийом долго ковырялся в своём чемоданчике, а потом спросил, может ли он первым принять душ после дороги.

Кровь прилила к моим щекам. Куда же мне деваться в этой десятиметровой клеточке, когда он выйдет из ванной с вафельным полотенцем вместо набедренной повязки?!

– Конечно, иди. Я пока как раз закончу со шкафом, – подбодрила я его. И вся обратилась в слух.

Щёлкнула щеколда на двери. Хлопнуло об стену полотенце. Тонко затрещал трикотажный пуловер, стягиваемый через плечи. Звякнула пряжка ремня на джинсах. Вжикнула расстегиваемая молния. Джинсы глухо упали на кафельный пол. Наступила пауза, наполненная еле слышным шуршанием. Я знала, ЧТО он сейчас снимает. И не могла об этом не думать. Воображение увлекло меня так далеко, что звук воды, обрушившейся на эмаль душевого поддона, показался почти оплеухой. Я вынырнула из эротических фантазий

и судорожно принялась расправлять платье на плечиках, как будто кто-то мог меня уличить в непристойности.

Он вышел из ванной в халате и носках. Это было огромным облегчением. Я поспешила занять неостывший душевой поддон, чтобы дать ему время переодеться. И только тут заметила толчок. О ужас, что же делать целую неделю?! Ведь тонкие гипсокартонные стены способствуют рождению не только эротических фантазий, но и других, ещё более натуралистичных образов.

Под горячим душем самые неразрешимые проблемы кажутся решаемыми. В конце концов, тысячи студентов, чтобы снять квартиру, ищут соквартирантов через социальные сети и специальные сайты. В лучшем случае они пару раз встречаются в кафе, прежде чем начать вести совместный быт. Мы, правда, до сих пор не виделись ни разу... Но и делить жилплощадь нам не так уж долго – всего семь дней. А потом я увижусь с Маартеном, и начнется совсем другая жизнь...

Я закуталась в длинный, мешковатый халат и вышла из ванной. Гийом развешивал рубашки. Лихо перемахнув через его территорию кровати, я уселась на своей в позе лотоса. Путь к чемодану был перекрыт, поэтому ничего не оставалось, как рассматривать его спину. Очень статную спину, ограниченную сверху широченными плечами, а снизу – узкими бедрами. Все как мы любим.

– Да, ты не могла бы сразу отдать мне половину того, что я заплатил за гостиницу? – попросил вдруг Гийом, не отры-

ваясь от развешивания рубашек. – Двести двадцать евро.

Клямц! Пок-пок-пок-пок-пок! Внутри меня как будто лопнул пузырьёк с ядом, и его содержимое стало быстро растекаться по венам и артериям. Яд имел противоположное действие. Все достоинства Гийома – чувственный голос, широкие плечи, густые тёмные волосы, орлиный нос – стали скукоживаться на глазах. Он всё так же стоял напротив, расправляя рубашку на вешалке, халат красиво обнимал его торс, я даже чувствовала сложносоставной запах его волос, кожи и геля для душа, но при этом он вдруг удалился от меня на непреодолимое расстояние. По десятибалльной шкале разочарований это тянуло на девять: как будто все приятные ожидания, что копились во мне эти несколько дней и достигли той критической массы, чтобы перерасти во влюбленность, вдруг обратились в пыль, а у меня даже не было сил поднять руку, чтобы удержать несколько пылинок.

– Ах да, конечно, я и сама собиралась, – пролепетала я и для убедительности стукнула себя по лбу. – Вот, держи!

Я порылась в кошельке и протянула ему три зелёные сотенные купюры. Гийом озадаченно посмотрел на них.

– У тебя там ещё много таких?! – увидев напряжённое выражение на моём лице, он строго добавил: – Иметь при себе наличность опасно, все пользуются карточками.

– Не волнуйся, у меня осталось совсем немного, – состроила я.

– Слушай, ну у меня в любом случае нет сдачи. Давай, ты

мне дашь двести, а на двадцать угостишь меня завтра ужином?

– Ну о'кей.

Я никак не могла классифицировать происходящее. Он. Просит. Угостить. Его. Ужином. То есть, в переводе с мужского на человеческий, я ему совсем не нравлюсь и никаких планов на совместное, пусть и короткое будущее, он не строит. Хотя с другой стороны, говорят, что у европейцев всё по-другому, женщины сами платят за себя и обижаются, если им подают пальто. В любом случае, он приехал сюда с уговором о совместной аренде гостиничного номера, у него, как и у меня, могла быть установка на чисто коммерческие отношения, и денег он, скорее всего, взял соответственно. А может – и даже вероятней всего – я вовсе не в его вкусе, и он не планирует перевести наши отношения в область гендерно-обременительных.

Я с болью в сердце отдавала ему двести евро. И дело тут было совсем не в деньгах. Просто эта сцена никак не могла бы появиться на первых страницах любовного романа.

Гийом, конечно, не понял причин резкой перемены моего настроения: остаток вечера я не могла выдавить из себя лишнего слова. «Да. Нет. Можно? Спасибо» – на большее меня не хватало. Мой мозг был занят. Он всеми силами старался

найти объяснение такому необычному поведению мужчины, которое не нанесло бы ущерба моей самооценке. Но оно никак не находилось.

В моменты эмоциональных потрясений сильно хочется есть. Было уже поздно, и я порадовалась – насколько уместно было это слово в контексте моих переживаний – предусмотрительности Гийома, настоявшего на том, чтобы купить в привокзальном кафе два сэндвича. Сэндвичи представляли собой половинки багета, распоротые и начиненные ломтями сыра, ветчины и листьями салата. Я пилила зубами жёсткую хлебную корку и шумно втягивала ртом соус, забыв обо всех правилах соблазнения. Зачем они теперь? В конце концов, я не рубль, чтобы всем нравиться. Точнее, рубль, но в еврозоне. Нам всего-то надо провести вместе семь дней, даже уже шесть с половиной, а потом приедет Маартен, и всё, бывшее до него, я просто забуду...

На периферии сознания возник голос Гийома:

– Я привёз кое-что, чтобы отметить знакомство.

Я тряхнула головой, чтобы разогнать мысли, и повернулась к нему. Казалось, мы давно не виделись, хотя все это время он был рядом, в той же десятиметровой комнате. Он стоял с бутылкой вина в одной руке и двумя хрустальными бокалами в другой.

– Бокалы? – вытаращилась я.

– Я рассчитывал, что такую реакцию вызовет «Шато Верно» 1998 года, но если тебе больше нравятся бокалы...

– Откуда ты их взял? Привёз с собой?!

– Ну да, было понятно, что в двухзвёздочной гостинице экономят на хрустале.

– Ты привёз хрустальные бокалы через пол-Европы, чтобы выпить за знакомство? – не унималась я.

– Ну да, а что в этом такого?.. Нельзя же пить вино из пластиковых стаканчиков.

– Ничего такого. Просто это... мило, – впервые за вечер я улыбнулась. – И неожиданно. И романтично.

Гийом опустил голову, пряча застенчивую улыбку, и принялся ввинчивать штопор в горлышко «Шато Верно».

– Штопор я тоже привез, – на всякий случай добавил он.

Вдруг эти русские балдеют от привозных штопоров, кто их знает?

После пары торопливо опустошенных бокалов объяснение странностям в его поведении нашлось само собой: конечно, он не рассчитывал встретить такую неземную красавицу, как я, и не подумал взять с собой средства на ухаживания. Нельзя винить его за то, что в жизни я краше, чем на фото. Это называется «ха-риз-ма».

Воодушевленная домыслами, я снова привела в действие весь арсенал флирта. Практика показывала, что даже бедный студент, когда влюблён, найдет возможность пригласить даму сердца в ресторан. Добиться, чтобы он заплатил за меня в кафе – вот что станет мета-целью завтрашнего дня. Нет, я

не меркантильна, в кошелке была достаточная сумма на пропитание, но теперь это дело принципа. Возможно, он не рассчитывал на большие траты, но уж на повседневную мелочь, вроде пива и мороженого, у него должно хватить. Эта мысль прорастала в моём сознании, пока физическое тело с ажиотажем рассуждало об астрологии – оказалось, мы с ним одного знака, Рыбы. Гийом полулежал на своей половине кровати и не без интереса слушал. Хотя никто не может с уверенностью сказать, что тогда прорастало в его сознании.

Немного после полуночи мы почистили зубы и легли спать – каждый строго на своей половине.

– У меня, например, никогда не ладилось со Стрельцами, – проговорила я, глядя в потолок.

– У меня один из лучших друзей – Стрелец, – ответил он. – Но он, правду сказать, со странностями.

– Какими, например?

– Ну, все говорят, он не от мира сего. Витает в высших сферах.

– Правда? – я повернулась на бок. – А я всегда считала, что они, наоборот, слишком повернуты на материальной жизни – мечтают о высокой зарплате, вынашивает всякие бизнес-проекты.

– Вынашивать-то он вынашивает! – усмехнулся Гийом. – Может, я тоже в глубине души Стрелец?

– У тебя есть бизнес-проекты или ты мечтаешь о высокой зарплате?

– Я не мечтаю о зарплате. Зарплата – для бедняков, которые работают на дядю. Но у меня есть Проекты, – ответил он и загадочно и посмотрел мне в глаза.

– Вообще-то они везунчики, эти Стрельцы. В казино выигрывают. Жизнь им часто подбрасывает счастливый билет. У нас, Рыб... с этим... сложнее...

Я не договорила, потому что Гийом, медленно приближавшийся ко мне во время последней фразы, вдруг оказался совсем рядом и... поцеловал меня. Без шуток, это было очень неожиданно. Несколько секунд я боялась пошевелить губами в ответ, соображая, чем мне это грозит. Но в конце концов, это решало многие проблемы. Можно больше не мучиться мыслью, нравлюсь я ему или нет, и не делить микроскопическую комнату на две части. Об остальных преимуществах надо будет подумать после поцелуя, тем более что он такой приятный...

Падчерица Франции

Утром нас разбудил телефонный звонок.

– Алло, – просипел в трубку Гийом, и я сквозь сон снова подумала, что за один только голос ему можно простить массу недостатков. Он зажал трубку рукой и обратился ко мне на английском:

– У них утром освободилась комната с двумя постелями, мы можем переехать. Ты... хочешь?

Я повернулась и посмотрела на него, растрепанного и румяного ото сна.

– А ты?

Он помедлил с ответом.

– Да я уже тут освоился.

Я кивнула и с довольной улыбкой зарылась под одеяло.

Час спустя мы вышли на улицу Брюсселя уже в новом качестве – формально встречающихся. В этом новом качестве Гийом даже решился взять мою руку. Он держал её так осторожно, что между ладонями оставалась щёлка. Когда моя рука мне понадобилась, было холодно и неудобно забирать её из его ладони. Но я не поторопилась вложить её обратно, – как-то неудобно было делать историю из одного поцелуя, пусть и довольно продолжительного.

Этот день, проведенный в поисках Писающего Мальчика,

принёс мне два открытия – да, я ему нравлюсь, и нет, он не собирается платить за меня в кафе. Когда официант приносил счёт, Гийом сначала выжидал, потом, видя, что я ничего не предпринимаю, придвигал счёт к себе, высчитывал свою долю и передавал его мне. Я низко склоняла голову над листком бумаги, изображая работу внутреннего калькулятора – в действительности же пряча дёргающееся левое веко.

Ночью, лежа около спокойно посапывающего Гийома, я смотрела в потолок и чувствовала в желудке признаки начинающейся язвы. Надо было срочно что-то придумать. Если так пойдет дальше, в конце отпуска меня госпитализируют: нарастающее негодование просто сомнёт внутренние органы. Ему что, жалко заплатить четыре евро за мой бокал пива или семь – за помидорный салат? Возможно, он сейчас в стеснённых обстоятельствах – набрал шесть кредитов, формирует будущую пенсию и выплачивает медицинскую страховку с учётом всех возможных рисков. Возможно также, что у европейских мужчин период ухаживания начинается только после пробного секса, а не до, как у отечественных. А этого элемента в нашей истории пока не было: разморенный выпитым за ужином пивом, он уснул раньше, чем я вышла из душа.

Кому-то покажется странным, что ближайшая перспекти-

ва серьёзных отношений с Маартеном не отвращала меня от мыслей о сексе с другим мужчиной. Да чего далеко ходить – мне и самой это казалось странным. Всегда, когда Гийом отходил на расстояние больше двадцати метров. Когда он удалялся по направлению к билетной кассе или барной стойке, посмотреть название улицы или расписание поездов, на фоне его спины проступало лицо Маартена с печальной понимающей улыбкой. И я думала, что целомудренно доживу до его приезда. Когда же Гийом возвращался с пинтой пива или билетами, с названием улицы или временем отправления в Гент, постельная сцена с ним снова виделась мне самым логичным развитием событий. Химия!

У меня было много времени подумать о раздвоении личности следующим утром, пока поезд бодро бежал вдоль полей Фландрии, а Гийом по обыкновению молчал. Я заглянула в себя так глубоко, как могла: угрызений совести не было. Так, вероятно, чувствуют себя мужчины накануне свадьбы: они могут месяцы жить с избранницей и не помышлять об измене, но когда до смены статуса остаются считанные дни, в них просыпается какой-то животный инстинкт урвать свой кусочек свободы, которая в обычные дни была им даром не нужна. Цивилизация даже узаконила это странное мужское желание в обычае мальчишника. Вот всё, что происходит в эту неделю, мой «мальчишник». Гийом – последний черновик перед тем, как я со всей ответственностью примусь за чистовик отношений с Маартеном.

А поскольку черновик специально придуман для ошибок и их исправления, мои недостатки, как чёртики из табакерок, повыскакивали в присутствии Гийома. Они чувствовали, что этот глоток свободы – последний, вот-вот я закручу гайки и стану идеальной женщиной, каких штампуют на юридических тренингах.

Перестану всё на свете анализировать.

Откажусь от привычки говорить командным тоном.

Проведу сортировку приоритетов и переставлю работу на дальние позиции.

Научусь готовить.

Стану пунктуальной.

Пока же я – сгусток самых непривлекательных женских качеств в симпатичной упаковке. И самое неприятное – в присутствии Гийома мне за себя почти не стыдно. Ведь я такая плохая, потому что он не на высоте. А значит можно с чистой совестью командовать, лениться и опаздывать.

Опаздывали, к слову, мы везде и всегда. Если планировали выехать после завтрака, то непременно получалось в час обеда. Если составляли программу посещения – не выполняли и половины. Если собирались лечь пораньше, все равно засиживались в джаз-клубе до полуночи. Такова уж особенность пары Рыб. И хотя порой я ужасно злилась, что все идет наперекосяк составленному плану, приятно было, что никто не подгоняет меня и не обвиняет в медлительности. Разве отпуск придуман не для того, чтобы прижать плавни-

ки и плыть по течению?

Целыми днями мы слонялись по жилым кварталам, по-долгу обедали в кафе, если там было уютно, заходили греться в сувенирные лавки, постоянно отклонялись от намеченного маршрута в пользу какой-нибудь живописной улочки. Мы так и не увидели Атомиума, да и Писающего Мальчика нашли в предпоследний день. Мы держались за руки и часто останавливались посреди тротуара, чтобы поцеловаться. Это выглядело странно: Гийом вдруг притормаживал, разворачивался на девяносто градусов, притягивал меня к себе и прижимал свои губы к моим. Мне, признаться, не помешали бы какие-то вступительные слова или предупредительные жесты. Но я послушно прикрывала глаза и отвечала на поцелуй, чтобы не отвратить его хотя бы от этого проявления эмоций.

Потому что порой мне без шуток казалось, что Гийом аутист. Вроде бы его действия говорили о том, что моё общество ему приятно, но вслух он в этом не признавался. Для меня, человека слова, это было невыносимо. В моем универсуме события, мысли, чувства становятся реальными только в момент произнесения; на территории невербальных знаков, сигналов тела, красноречивых взглядов и прочей интуитивной хиромантии я чувствую себя слепым котёнком. Мне необходимо было проговорить то, что происходит между нами, понять, что такое для него эти каникулярные отношения, и самой найти им подходящий маркер. Всё это было стран-

но, не запланировано, и Гийом даже не пытался помочь мне разобраться в себе.

С трудом удавалось вытягивать из него информацию о каких бы то ни было чувствах. Всё, что удалось узнать, используя ассортимент можжевеловых ликеров в комбинации с креплёным пивом, это то, что он некрасиво расстался с бывшей девушкой. Она была из Каталонии. Узнав об этом, я вздохнула с облегчением: конкурировать с испанкой, да еще совсем недавно разбившей его сердце, в вопросах любви и страсти практически безнадежно. Хорошо, что у меня на Гийома нет серьезных видов. С бывшей они сошлись во время стажировки в Голландии. Через год она уехала продолжать стажироваться в Швейцарию, через полгода нашла там работу, а ещё через пару месяцев – и нового кавалера.

– Любовь на расстоянии – это сложно, – грустно резюмировал Гийом.

– Да уж, – не могла не согласиться я.

Всё-таки я правильно сделала, что приехала. Пора уже исключить фактор расстояния из формулы наших с Маартеном отношений.

День Святого Патрика застал нас на пути в Антверпен. В поезде я сидела как на иголках, томимая сладким предвкушением знакомства с будущим местом жительства. Ведь Ма-

артен живёт именно в Антверпене. Я вышла из здания вокзала с заготовленной улыбкой умиления, готовая принять и полюбить этот город, каким бы он ни оказался... И наверно, не было в календаре дня, который рассказал бы об Антверпене больше.

Бары грозили перелиться пивом через край и растечься пенным содержимым по брусчатым улочкам. Я мотала головой из стороны в сторону в глупой надежде заметить знакомый силуэт, хотя Маартен, я знала, был сейчас за несколько десятков километров отсюда. Возможно, мне встретится его мать или сестра – я никогда не видела даже их фотографий, но при этом была уверена, что узнаю их в толпе, статных блондинок с высокими скулами и характерным изломом бровей. Маартен как-то сказал, что окна его квартиры выходят на церковь, где похоронен Рубенс. Мне непременно хотелось её найти. Но в нашем путеводителе про эту церковь не упоминалось, да и вообще Антверпену там было отведено мало места.

Гийом знал, что Рубенс – это художник, улица его имени есть недалеко от его дома в Париже, но словосочетание «рубенсовские формы» не сообщало ему решительно ничего. Также как имена Ван Дейка, Ван Эйка и пары «малых голландцев», припомненных по случаю. Стало ясно, что искусство не самая увлекательная для него материя. Перспектива тратить время на поиски безымянной церкви, где покоятся останки какого-то много-лет-назад-умершего художни-

ка, живописавшего толстых тёток, казалась ему, мягко говоря, малопривлекательной. Мне, закончившей художественную школу, было сложно с этим смириться. Ещё сложнее, чем с его молчаливостью, которую до сих пор можно было принимать за интеллектуальность мизантропического толка.

Но, если уж начистоту, весна медлила с приходом в Антверпен, и с каждым часом горячего – или горячительного – хотелось сильнее, чем утоления культурного голода. Поиски могилы Рубенса кончились, когда наши шатания прервала компания датских пенсионеров в гигантских зелёных шляпах, отличающих тех, кто празднует День Святого Патрика, от тех, для кого семнадцатое марта – просто ещё один весенний день. От пенсионеров воодушевляюще пахло алкоголем, а на лицах было написано желание продолжить банкет. Сев им на хвост, мы вышли на Гроенплаац, которая, в отличие от главных площадей других городов, окружена не унылыми муниципальными учреждениями, а пивными. Паб «Селтик Айрлэнд», сотрясавшийся от хард-коровых басов, засасывал в себя народ, как ураганная воронка. Он легко затянул и нас – Рыбы вообще склонны поддаваться чужому влиянию, особенно дурному.

Пока Гийом сосредоточенно изучал меню – несколько страниц, густо исписанных названиями пива, я грустно грызла фисташки, не в силах пережить, что он равнодушен к живописи. И к истории. И к кинематографу. Да что там, к культуре вообще. С отрешённым выражением лица я кидала име-

на, словно в черную дыру:

– Де Лакруа?

– Нет.

– София Коппола?

– Не-а.

– Роман Гари?

Отрицательное мотание головой.

– Ремарк?

– М-м-м, что-то знакомое...

– Ну конечно, – оживилась я. – Эрих Мария Ремарк, знаменитейший немецкий писатель!

– Угу. А что он написал знаменитого?

– Ну как же: «На западном фронте без перемен», «Три товарища» – лучший роман о мужской дружбе!

На лице Гийома застыло выражение мучительного воспоминания.

– Не помню. И вообще сомнительно, что человек с именем Мария может что-то знать о мужской дружбе, – наконец изрек он.

Я поникла головой. Нет, это будет коротким курортным романом и ничем больше! Возможно, и до романа-то «это» не дорастёт, а останется в архиве воспоминаний под грифом «странный молчаливый парень, который привёз бокалы».

В этот момент над нами выросли три красотки в сетчатых чулках и латексном белье – анимационная команда не давала гостям заскучать. Гийом начал было впадать в забытье

от энергичного трясения ягодицами гоу-гоу-гёрл перед самым носом, но крепкие голландские ребята обступали нас всё плотнее, вытесняя всё живое мощными татуированными плечами. Пришлось залпом выпить пинту и тихонько ретироваться – маскулинное возбуждение вокруг нарастало слишком стремительно. Мы расплатились, каждый за себя, и поспешили на станцию – если сесть на поезд в 22.15, то можно успеть на второе отделение концерта в нашем любимом джаз-клубе недалеко от Гран-Плас. В любви к джазу мы были солидарны.

При упоминании о Бельгии, этой падчерице Франции, на обветренных лицах профессиональных путешественников появляется выражение тоски – зелёной, как коктейль «Грин-Гиннесс», смешанный из тёмного пива и ядрёного мятного ликёра. Заказать недельный тур в эту страну человек может лишь в двух случаях (не считая весьма специфического моего): если он пишет диссертацию по брабантской готике или если он попался на нейро-лингвистические уловки менеджера турагентства. Тоску, одолевающую туриста на третий день пребывания в Бельгии, как водится, заливают алкоголем. А поскольку в непримечательном бельгийском пабе запросто можно обнаружить более сотни сортов пива и для каждого – специальный стакан с собственным на-

званием, Бельгия – лучшая страна для оправданного алкоголизма.

– Что если нам смотаться на денёк в Голландию? – предложил Гийом как-то утром, когда мы, пролистав «Лё Пти Фюте», две трети адресов которого заметно устарели, грустно посмотрели друг на друга.

– А можно так вот запросто – на денёк? – удивилась я его не скованному границами и визами воображению.

Он сдвинул брови.

– Ну да, какие могут быть сложности? Сели в поезд и через два часа в Амстердаме.

Вот оно, первое раскрепощенное поколение, выросшее в Евросоюзе. Когда отечественная дипломатия добьется таких успехов?..

– Давай, конечно! – я подпрыгнула на кровати от возбуждения. Во-первых, я никогда не бывала в Голландии, а во-вторых, это на несколько километров приблизит меня к Марартену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.